

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

Выпуск 47–48

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

УДК 26/28
ББК 86 372

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-718-0683

Председатель редколлегии

Митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Члены редколлегии

Митрополит Бориспольский и Броварской Антоний, управляющий делами Украинской Православной Церкви

Архиепископ Верейский Евгений, председатель Учебного комитета, ректор Московской духовной академии

Архиепископ Петергофский Амвросий, ректор Санкт-Петербургской духовной академии

Епископ Бобруйский и Быховский Серафим, первый проректор Института теологии им. св. Мефодия и Кирилла

Епископ Балашихинский Николай, главный редактор Издательства Московской Патриархии

Прот. Валентин Асмус; прот. Владимир Воробьев; прот. Леонид Грилихес; прот. Максим Козлов; прот. Владислав Цыпин; прот. Владимир Шмалый; иерей Михаил Желтов; Д. Е. Афиногенов; А. Ю. Виноградов; Г. М. Кессель; С. Л. Кравец; П. В. Кузенков; А. М. Пентковский; Е. С. Полищук; С. С. Хоружий; Ю. А. Шичалин

Ответственный редактор

Е. С. Полищук

Научные редакторы

М. М. Бернацкий, А. Г. Дунаев

ISBN 978-5-88017-674-8

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018
© Авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

СВТ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ (Dub.). Проповедь на слова «Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19, 17), о гостеприимстве Авраама, об украшающих себя женщинах и о чревоугодии (СРГ. 4916, ВНГ. 2003е) (предисловие, публикация и пер. с древнегреческого С. С. Кима)	11
ПРП. ИСААК СИРИН. Избранные главы <i>Второго слова о знании</i> (предисловие, публикация и пер. с сирийского А. Д. Макарова)	38
ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ (ТРОЕПОЛЬСКИЙ). Искатель непрестанной молитвы (публикация и примеч. А. М. Пентковского)	54

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. И. ВАРФОЛОМЕЕВ. Предкрещальное заклинание в тексте «Завещания Господа нашего Иисуса Христа»: анализ структуры и содержания . . .	221
Г. М. КЕССЕЛЬ. <i>Пятое собрание</i> Исаака Ниневийского: предварительные наблюдения о новонайденной рукописи (<i>olim Diyarbakir / Scher 25</i>) . .	239
М. Г. КАЛИНИН, А. М. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Гностические сотницы Иосифа Хаззайи: новое рукописное свидетельство и ранее не идентифицированные главы	258
А. Ю. ВИНОГРАДОВ, Ш. ГУГУШВИЛИ. Очерк истории Абхазского католикосата. Часть 2. XI–XV вв.	290
ПРОТ. МАКСИМ КОЛЕСНИК. Келейные молитвенные правила по рукописям Иосифо-Волоколамского монастыря XV–XVI вв.	321
А. М. ПЕНТКОВСКИЙ. История текста и автор «Откровенных рассказов странника»	343
Ю. В. НЕСТЕРЕНКО. Лунное течение для новоюлианского календаря . .	449

ПЕРЕВОДЫ

МАРИЙ ВИКТОРИН. О рождении божественного Слова (пер. с латинского А. Р. Фокина)	481
ИОСИФ ХАЗЗАЙЯ. О молитве в месте ясности (пер. с сирийского М. Г. Калинина)	526

РЕЦЕНЗИИ

<i>Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Антилатинские сочинения / Пер. с древнегреческого Д. Е. Афиногенов, П. В. Кузенков. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2015. (Патристические исследования и переводы) (ПРОТ. ВАЛЕНТИН АСМУС) .....</i>	543
<i>Евстратий Никейский. Опровержительные слова / Изд. подг. А. В. Бармин. М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2016. (Б-ка сб-ка «Богословские труды») (Р. М. ШУКУРОВ) .....</i>	552
<i>Мар Исхак Ниневийский (преподобный Исаак Сирин). Книга о восхождении инока: Первое собрание (трактаты I–VI) / [Изд. подг.] А. В. Муравьев. М.: Издательский дом ЯСК, 2016 (А. Г. ДУНАЕВ, И. Е. ЯМПОЛЬСКИЙ) ..</i>	555
—————	
Summaries	587
Сокращения	590
Сведения об авторах	592

THEOLOGICAL STUDIES, 47–48

CONTENTS

PUBLICATIONS

ST. JOHN CHRYSOSTOM (Dub.). Homily «In illud: Nemo bonus nisi solus Deus (Matth. 19, 17) et in hospitalitatem Abrahae, et in formosas se facientibus feminas, et de gula» (CPG. 4916, BHG. 2003e) (introd., ed. and transl. from Ancient Greek by <i>S. Kim</i>)	11
ST. ISAAC OF NINEVEH. The Chapters of the Second Treatise on Knowledge (introd., ed. and transl. from Syriac by <i>A. Makarov</i>)	38
HIEROMONK ARSENY (TROEPOLSKY). The Seeker of Unceasing Prayer (ed. and notes by <i>A. Pentkovsky</i>)	54

STUDIES

M. VARFOLOMEEV. Pre-baptismal Exorcism in the «Testament of Our Lord»: Analysis of the Structure and Content	221
G. KESSEL. <i>The Fifth Part</i> of Saint Isaac of Nineveh: Preliminary Observations on a Recently Discovered Manuscript (<i>olim</i> Diyarbakır / Scher 25)	239
M. KALININ, A. PREOBRAZHENSKY. The Gnostic Chapters of Joseph Hazzaya: New Manuscript Evidence and Previously Unidentified Chapters	258
A. VINOGRADOV, Sh. GUGUSHVILI. An Essay on the History of the Catholicosate of Abkhazia. Part 2. 11th — 15th c.	290
ARCHPRIEST MAKSIM KOLESNIK. The Private Prayers in the Manuscripts of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the 15th — 16th c.	321
A. PENTKOVSKY. On the History of the Text and the Author of «The Candid Tales of a Pilgrim to His Spiritual Father»	343
Yu. NESTERENKO. The Sequence of Lunar Months for the Revised Julian Calendar	449

TRANSLATIONS

MARIUS VICTORINUS. <i>De generatione divini Verbi</i> (transl. from Latin by <i>A. Fokin</i>)	481
JOSEPH HAZZAYA. On the Prayer in the Place of Lucidity (transl. from Syriac by <i>M. Kalinin</i>)	526

REVIEWS

<i>St. Photios I of Constantinople. Treatises Against the Latins / Transl. from Ancient Greek by D. Afinogenov, P. Kuzenkov. M., 2015 [in Russian] (ARCHPRIEST VALENTIN ASMUS) . . . . .</i>	543
<i>Eustratius of Nicaea. Λόγοι ἀντιῤῥητικοί / Ed. and transl. by A. Barmin. M., 2016 [in Ancient Greek and Russian] (R. SHUKUROV) . . . . .</i>	552
<i>Mar Isaac of Nineveh (St. Isaac the Syriac). The Book of the Monk's Ascent. First Part (treatises 1–6) / Ed. by A. Muraviev. M., 2016 [in Syriac and Russian] (A. DUNAEV, I. YAMPOLSKY) . . . . .</i>	555
—————	
Summaries	587
Abbreviations	590
Information about the Authors	592

Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Антिला-тинские сочинения / Пер. с древнегреческого Д. Е. Афиногенов, П. В. Кузенков. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2015. (Патристические исследования и переводы). 244 с.

Можно поблагодарить переводчиков и редактора, они же — авторы трех статей-предисловий, поблагодарить и издателей и поздравить читателей: впервые на русском языке издается такое полное собрание антилатинских творений свт. Фотия¹, имевших огромные, поистине неисчислимы́е исторические последствия и во многом определивших догматическую историю не только на греческом Востоке, но даже и на латинском Западе. Много вместила жизнь великого Патриарха: он хотел мира, но умел и беспощадно полемизировать; и слова и дела его дают примеры не только твердого противостояния, но и искусного восстановления и поддержания расторгнутого было церковного общения. Последние полтора с лишним столетия очень много сделали для «реабилитации» свт. Фотия от грубых обвинений и нападок средневекового католичества, но все же до сих пор Фотия видят по-разному: патриарх Фотий католического историка Франциска Дворника и Святитель В. Н. Лосского, не говоря уже о греческих зилотах вроде И. Романиди, — это разные образы. Теперь к осмыслению этой личности могут приобщиться широкие круги наших любителей богословия и церковной истории.

Высоко оценивая немалый труд переводчиков, укажем и на некоторые погрешности. Не всегда радует стиль. Псевдославянское «во Господе» (с. 138, 141, 142, 143) резко выделяется своей нарочитостью. А вот «по Богу» (с. 146, 147) — слишком современно. Русский язык допускает и другой падеж, например: «панихида по Тургеневе». «Господнее» (с. 147) не нуждается во втором «е». Просторечное «ох уж этот, ох уж эти» (с. 128, 132) неуместно в патриаршем Окружном послании.

Неуместно именование папы «преподобием» (с. 94 и мн. др.). Переходя к терминологии, скажем, что во время свт. Фотия титулатура была несколько иная, чем в наше время, когда у греков титул преподобия имеют только монахи и иеромонахи, а у нас к ним прибавляется

---

¹ Примерно половина текстов, включенных в сборник, была впервые издана в журнале «Альфа и Омега» (в разных номерах с 1998 по 2009 г.). До революции «Мистагогия» переводилась Е. И. Ловягиным. Известны также древнерусские переводы прп. Максима Грека, см. публикации Д. М. Буланина: «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI–XVII вв. // Старобългаристика. 1981. Год. 5. № 2. С. 35–54; Послание патриарха Фотия архиепископу Аквилейскому в древнерусском переводе // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 220–229. — *Ред.*

еще и белое священство. К епископам этот титул не относится вовсе, а свт. Фотий совсем не имел намерения унижать папу. Лексическое значение ὁσιος очень близко к ἁγιος, и не было бы грехом передавать ὁσιότης как «святость, святыня». Так же не желал Фотий обижать папу званием епископа «ветхого» (с. 93, 102, 157) Рима. В сопоставлении с Новым Ветхий видится превзойденным. Свт. Фотий употребляет совсем другое слово — πρεσβυτέρα, и в сопоставлении со старшим, старейшим Римом Константинополь занимает канонически подобающее ему второе место, что вполне соответствует дипломатическим целям посланий. Напротив, «Ветхий» был бы вполне уместен в заглавии Epitome (с. 204), поскольку там в оригинале παλαιός и поскольку составитель этого текста не преследует никаких дипломатических целей. Θεοφιλής — возлюбленный Богом, боголюбезный, а не «боголюбивый» (с. 146).

Диоскор — не «негодяй» (с. 97), но ἀλάστωρ — «злодей, губитель» — явный намек на «человекоубийственный» Эфесский Собор 449 г. Διεστῶτα — не «разделенные» (с. 102), но «расстояющиеся», находящиеся на расстоянии. Τοῦ μῦθου ὄχλου — не «обычного народа» (с. 105), но простонародного сброда; всего несколькими строками ниже ὄχλος переводится стилистически правильно как «чернь». Ἐμπερίτομος — обрешанный, а не «необрешанный» (с. 108, об Аврааме). Δεισιδαίμων — не «суетный» (с. 109), а суеверный. Вместо «обличения больше любви, чем понимание» (с. 111) читай «...не больше любви...». «Цемент» (с. 118) — не только анахронизм, но и неправильное понимание слова: в данном случае саementum — не строительный раствор, а грубый, необработанный камень, что и соответствует евангельской petra (Мф. 16, 18).

На с. 135 пресмыкающиеся, ἐρπετὰ превратились в «птиц». На с. 138 «священниками» объявляются и диаконы, и иподиаконы, хотя свт. Фотий говорит об освященных, посвященных — ἱερωμένων. Свт. Фотий называет свт. Тарасия своим дядей по линии отца (πατρόςθειος), в переводе же стоит «наш в Боге отец» (с. 144). В переводе свт. Фотий, говоря об ошибках отцов, произносит странные слова: «Так и если кому пришлось сказать, что Дух исходит от Отца, тех мы не отделяем от отеческого стада» (с. 156). Но в подлиннике другое: «Так и если кому пришлось сказать, что Дух исходит от Сына, мы не принимаем то, что противно Господню гласу, но их самих от отеческого стада не отделяем». Цитируя еретиков, свт. Фотий пишет: «Дух исходит от Сына» (PG. 102. Col. 328 A). В нашем переводе читаем: «...от Отца» (с. 178, 4 строка снизу). То же самое в PG. 102. Col. 352 B: свт. Фотий говорит «от Сына», а перевод приписывает ему «от Отца» (с. 188, 5 строка снизу). В переводе свт. Фотий даже начинает высказываться в пользу Filioque: «единственная причина Духа в Сыне» (с. 196). Но переводчик принял слово μωή за ж. род от μόνος, не обратив внимания на ударение. Правильный перевод: «пребывание Духа в Сыне — причина» и т. д. Бывает, что при переводе выпадают отдельные слова греческого текста, но бывает, что и целые фразы. Так, в интронизационном послании после обзора Вселен-

ских Соборов (с. 98) отсутствует заключение: «Сии святые и вселенские семь соборов приемлю, анафематствуя, кого они анафематствовали, и почитая и величая тех, кого они восхвалили»².

В примечаниях к переведенным текстам тоже много непонятного. Православный Великий пост состоит вовсе не из 8 седмиц (с. 129), а из неполных семи, из 48 дней, а католический — всего 2 днями короче. У латинян нет «пепельной седмицы» (с. 129–130), а только пепельная среда — первый день Поста.

П. В. Кузенков предполагает, что в Септуагинте упоминание князя Рос (Иез. 39, 1 сл.) появилось «вследствие неточности перевода» (с. 139). Но специалисты утверждают, что еврейский текст может пониматься либо как «великий князь», либо как титул с географическим указанием: «князь Рош» (Septuaginta Deutsch. Erläuterungen und Kommentare. Bd. II. Psalmen bis Daniel. Stuttgart, 2011. S. 2964). Такое же прочтение, как в Синодальной Библии, переведенной с еврейского, находим в: The Holy Bible. Revised edition. Oxf., 1887, и в: Die Heilige Schrift. Wuppertal-Elberfeld, 1950.

На соседних с. 140–141 П. В. Кузенков сначала решительно относит «первое крещение Руси» к 881–882 гг. и тут же противоречит себе: «Договор с россами и отправка к ним епископа могли произойти в 861–866, хотя в одном позднем источнике крещение Руси при Василии отнесено к 881–882».

На с. 215 находим такой перл: «Механизм происхождения Божественной Троичности».

Неопрятно выглядят небрежности в библиографии. Почему-то места издания Mansi и Фотия обозначены по-английски. Перевернута фамилия константинопольского издателя Фотия: он не Aristarchos, а Ἀριστάρχης. Лейпцигское издание Писем и Амфилохий Фотия не в 3, а в 6 томах.

На с. 121 издание Деяний VII Вселенского Собора отнесено к 1935 г. Э. Швартц, конечно, великий ученый, но он успел издать Деяния только III и IV Соборов. И только в наше время уже третье поколение продолжателей Швартца завершило издание VII Собора. Правильная ссылка была бы: ACO Ser. II. Vol. 3, 1. Berolini, Novi Eboraci, 2008.

Жаль, что такие квалифицированные переводчики не отнеслись к своей задаче с должной требовательностью.

Но при всем значении перевода такого большого объема важнейших текстов еще больший интерес представляет концептуальная сторона издания. Для характеристики ее прежде всего нужно отметить, что господам Д. Е. Афиногенову, П. В. Кузенкову и А. Р. Фокину единой концепции создать не удалось в силу разнонаправленности их мысли. Г-н Афиногенов — историк, у которого интерес к собственно богословской стороне вопроса уступает первенство аспекту социально-историческо-

---

² Photius. Epistolae et Amphilochia. Vol. 3. P. 120, l. 163–166.

му: *cui proderat*. В прежних своих работах он показывал, что догматическая борьба была хорошим поводом для выяснения отношений между императорской и иерархической властями, а также между этими двумя и монашеством. Теперь он признает (с. 9), что такое понимание «устарело», и полагает, что «главную роль играли связи разных церковных деятелей с группами аристократических кланов, ведшими постоянную борьбу за власть». Г-н Кузенков стоит на позиции православного «зилотства», полностью солидаризируясь с антилатинской полемикой свт. Фотия и безоговорочно осуждая «латинские новшества», чем вступает в вопиющее противоречие с г-ном Фокиным, хорошим специалистом по западной патристике, который убедительно показывает, что не было изначального единства западной и восточной триадологии, как до сих пор утверждают латиномахи, что с самого начала латиноязычного богословия оно в разных формах исповедывало *Filioque* и свт. Августин, при всех его творческих ресурсах, вовсе не был изобретателем этой доктрины.

В русской литературе есть работа, к которой обязаны обращаться желающие разобраться в проблеме *Filioque*³. Это посмертно изданный сборник трудов проф. В. В. Болотова «К вопросу о *Filioque*» (СПб., 1914). В рецензируемой книге на это издание раза два сослался г. Фокин, но она никак не повлияла на общую концепцию и даже не попала в Библиографию. Если авторы с ним несогласны, они имели возможность его оспорить. Но Болотова гораздо легче отвергнуть, чем опровергнуть. А игнорирование его свидетельствует, что авторы поддерживают «стилизовано-мифологическое представление, которое свойственно “Мистагогии” патриарха Фотия»⁴. И для оспаривания Болотова легче всего прибегнуть к мифологии. Так, В. Н. Лосский рисует «жуткий» образ «серого кардинала» Церкви или, скорее, ее «светского кардинала», мечтающего установить новый канон церковного Предания методами секуляризованной науки», видит в труде великого русского историка догмы «своеобразный цезарепапизм ученых»⁵. Это абсолютно несправедливо, поскольку Болотов подчеркивал, что излагает только свое личное мнение, а к самой теме *Filioque* он обратился по поручению Святейшего Синода. Кроме того, слова Лосского заставляют вспомнить сентенцию: «искусство портретирования есть искусство автопортретирования»... А еще ближе к нашему времени А. И. Сидоров в Болотове, человеке редкой и удивительной душевной цельности и гармоничности, каковым он был в глазах всех

---

³ См.: *Филарет (Вахромеев), архиеп.* О Филиокве. К дискуссии со Старокатолической Церковью // ЖМП. 1972. № 1. С. 62–75; *Воронов Л., прот.* Вопрос «О Филиокве» с точки зрения русских богословов // БТ: Сборник, посвященный 175-летию ЛДА. 1986. С. 157–185.

⁴ *Булгаков С., прот.* Утешитель. М., 2003. С. 141.

⁵ Исхождение Св. Духа в православном учении о Троице // *Лосский В.* Богословие и Боговидение. М., 2000. С. 348.

его знавших, «ощущает» «некий трагический разрыв между наукой и духовной жизнью»⁶.

В применении к проблеме Filioque, которой А. И. Сидоров здесь касается лишь косвенно, критикой Болотовской классификации догматов, теологуменов и мнений, это, наверное, должно было бы означать, что «духовная жизнь» требовала от Болотова безоговорочного признания «только от Отца», а научная добросовестность расплывала внимание ученого на множество частных мнений, мешая сделать единственно правильный выбор и отсеять все, что не вписывается в фотианскую формулу. Но Болотов прекрасно показал, что сама Фотиева формула «только от Отца» — новаторская, не соответствующая классическому греческому богословию эпохи Вселенских Соборов, от Афанасия до Дамаскина, как ему не соответствует и традиционное (как мы уже знаем благодаря А. Р. Фокину) латинское «и от Сына» (хотя формулы вроде $\epsilon\kappa$ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ или $\epsilon\tilde{\xi}$ ἀρφοῖν спорадически, изредка встречаются и у греков).

Болотов обращает особое внимание на восточный теологумен «исхождения Духа через Сына, δι' Υἱοῦ», почти достигший ранга догмы, поскольку прозвучал в исповедании веры свт. Тарасия Цареградского, одобренном отцами VII Вселенского Собора. Формула Фотия — во все не итог святоотеческого богословия. Это альтернативная формула, изобретенная специально для целей антилатинской полемики, это — «Filioque с минусом, так сказать не-Filioque, анти-Filioque»⁷. Здесь произошло, считает Булгаков, «принятие целиком всей латинской проблематики, каковое, конечно, важнее, нежели неприятие самой доктрины. В этом смысле можно сказать, что патр. Фотий является первым из восточных богословов, латинствующих в учении об исхождении Св. Духа»⁸. Упадочность фотианской триадологии ярко сказалась в том, что об отцах здесь вспоминается только в порядке общих апелляций к «отцам и соборам», отцы совсем не цитируются, поскольку слишком многое у них не влезает в узкие рамки фотианской формулы.

Это имело трагические последствия. С одной стороны, чрезмерные нападки на западный «теологумен» Filioque провоцировали Запад все более решительно догматизировать его, вводя его в Символ все более повсеместно и провозглашая его от лица Соборов: именно униональные Соборы II Лионский и Флорентийский провозгласили Filioque на «вселенском» уровне. С другой стороны, многие греки, поставленные перед фактом филиоквизма западных отцов свв. Илария, Амвросия, Августина и Льва Великого, которых V Вселенский Собор с подачи императора Юстиниана провозгласил, наряду с восемью восточными свв. отцами, теми, за кем нужно «во всем следовать и принимать все,

⁶ Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов. Т. 1. М., 1999. С. XL.

⁷ Булгаков. Op. cit. С. 132.

⁸ Там же. С. 131.

что они изложили о правой вере»⁹, а также перед великим множеством цитат из восточных отцов, не соответствующих фотианской формуле, убеждались, что Фотий неправ, и принимали унию. При жизни Фотию удалось достичь хрупкого компромисса, когда «VIII Вселенский Собор» 879–880 гг. при одобрении папских легатов запретил вставку в Символ, а Фотий перестал публично нападать на *Filioque*. Но, как видим, после него начали углублять с обеих сторон тот ров, который разделял Церкви Востока и Запада. И последние годы жизни, на вынужденном досуге, Фотий участвовал в копании этого рва написанием «Мистагогии». Благодаря авторитету Фотия, которому нападки Запада могли только служить к возрастанию, святоотеческая триадология оказалась как бы под запретом, как несовместимая с формулой «только от Отца».

К чести византийского богословия нужно сказать, что ему удалось хотя бы частично снять этот негласный запрет. Это произошло в самом конце трагического XIII в. Православный патриарх Константинопольский Григорий II (Георгий Кипрский) под влиянием цитат из греческих отцов эпохи Вселенских Соборов, собранных Иоанном XI Векком, униатским патриархом Константинопольским, учил о превечном, внутритроическом, не относящемся к действию Бога в тварном мире воссиянии и проявлении Святого Духа через Сына. Это не только восстанавливало значение древних отцов, но и открывало новые горизонты богословия — Григорий II предвосхитил паламизм. А в XIV в. стала возможной встреча с Западом на несколько большей глубине, чем раньше, благодаря переводам западных отцов. Пусть эти переводы делали сплошь одни латинофилы, но пользовались ими и православные. Свт. Григорий Палама вслед за Августином говорит о Св. Духе как любви Отца к Сыну и Сына к Отцу¹⁰. В XV в. греки уже могли читать на своем языке Фому Аквинского, и сразу после турецкого пленения Константинополя его патриархом стал Геннадий II Схоларий, православный томист. Но это изменение морального климата межцерковных отношений уже не могло восстановить церковного единства Востока и Запада: слишком много было уже сказано, слишком большая инерция полемических «систем» со всеми их натяжками, преувеличениями и взаимными оскорблениями толкала две Церкви в разные стороны одну от другой. Православная Церковь оказалась даже в более выгодном положении: она не спешила связывать себя торжественными декларациями на «вселенском» уровне, как это делала Католическая Церковь на каждом этапе борьбы от лица своих «Вселенских» Соборов. Посему православный богослов может с чистой совестью считать фотианство для себя необязательным, не имеющим статуса догмата, каковой ему мог бы придать только Вселенский Собор.

⁹ АСО. Т. IV. Vol. 1. P. 13, 37.

¹⁰ Глава 36 // Главы физические и богословские, нравственные и практические, и очищающие от варлаамитской скверны: *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα*. Т. 5. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 54.

Православная Церковь почитает свт. Фотия как «равноапостольного» просветителя славян и других народов, как иерарха, защитившего восточные Церкви от растущих канонических притязаний римского папизма, от опасности нивелировки по каноническим и литургическим латинским нормам. Но он не принадлежал к эпохе великого богословия, и, будучи во многом личностью исключительной, в этом не был исключением для своего времени.

То, что не догматика была главной причиной церковного разрыва, блестяще показали события 1054 г., когда о Filioque вспомнили только под конец и Гумберт заявил, что греки еще и Символ «исказили», «изъяв» из него Filioque. Один только участник спора тех дней, патриарх Петр Антиохийский, страстно призывал к недопущению церковного разрыва, при том что он был решительным противником Filioque. Но его послания не имели никакого влияния, и когда разрыв совершился, ему пришлось с этим смириться — не потому, что его кто-то убедил в правоте Константинопольского патриарха Михаила Кирулария, а всего лишь в силу своей полной зависимости от него, чьим ставленником он был, и от императора Константина Мономаха, который его назначил на Антиохийскую кафедру. В событиях 1054 г., поначалу стремясь к единству с Римом, император потом безвольно поддался энергичному цареградскому предстоятелю. И здесь, и раньше, и позже главным фактором были не догматические разногласия, но интересы большой церковной политики.

Если вернуться к богословию, для нас большое значение имеет мнение о свт. Фотии нашего свт. Филарета, митрополита Московского. Свт. Филарет в свое время частично перевел «Окружное послание» свт. Фотия¹¹. Однако позднее он дважды не допускал издания антилатинских творений цареградского святителя. В 1842 в ответ на предложение Обер-Прокурора гр. Н. А. Протасова издать «Тайноводство», в то время еще неизданное и по-гречески, свт. Филарет предложил сперва сделать список полного текста «Тайноводства» с парижской рукописи (предложенная для перевода рукопись Синодальной библиотеки содержала лишь часть «Тайноводства») и рассмотреть затем вопрос о напечатании его «или в одном переводе, или же и с подлинником». Проект не осуществился, и первым издателем «Мистагогии» стал J. Hergenröther (Ratisbonae, 1857). Гораздо подробнее свт. Филарет откликнулся на вопрос об издании перевода Послания св. Фотия архиеп. Аквилейскому. В письме гр. Протасову от 11 мая 1847 Московский святитель пишет: «...Неприятно затрудняться в допущении к изданию сочинения патриарха Фотия. Но затруднение представляется, и, по моему мнению, такое, которое не должно быть пренебрежено. Цензор заметил в рассматриваемом сочинении места, частью слабые и неудовлетворительные, частью такие, которые он решительно полагает не допустить к напе-

---

¹¹ Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-Российской Церкви. СПб., 1815.

чатанию. Замечания его, большею частью, справедливые. В жару ревности против нововведения, еще не успокоенном временем, писатель употребляет обличения преувеличенные, как-то, западные унижают Св. Духа [...]; что подвергают поруганию единое исхождение Его [...]; что их учение есть новое хуление на Духа [...]; что они злохулиительно утверждают исхождение и от Сына [...]; что они богохульствуют, и самого хулимого делают виновником хуления [...]; что они ученики Хама [...]. Оскорблять в споре не нужно и не полезно. Притом противники могут опровергнуть преувеличения, и чрез сие иметь вид победы в споре. Многие доказательства писателя против латинствующих основываются на одном логическом построении понятий, иногда не точном, и вообще не довольно твердом в отношении к предмету непостижимому. Таково, например, умозаключение, что если при самом рождении Сына исходит Дух, так что вместе один рождается, а другой исходит из рождаемого: то будет значить, что Дух точно так же, как и Сын, происходит от Отца способом рождения [...]. Если, вместо слова из рождаемого, поставить слово из рождающего, то сие же самое умозаключение годится против православного учения; и как не сильно против сего, так же и против латинского».

Перед тем как свт. Фотий написал послание Аквилейскому предстоятелю, ему были предъявлены филиоквистские высказывания Амвросия, Августина, Иеронима и других западных святых отцов. Свт. Фотий, не признавая такие высказывания выражением действительных взглядов этих отцов, считал причиною их некий оппортунизм. Это тоже вызвало критику свт. Филарета: Фотий «входит в неблагоприятные суждения об отцах [...] предполагая [...] что обстоятельства заставили их сказать иное пред некоторыми противниками [...], что иной из них сказал и сделал такое, чего нам не дозволяется делать и говорить [...]. Сии неопределенные выражения бросают на писания и деяния отцов неблагоприятную тень, приписывая им некоторую неискренность и непрямоту, особенно не безвинные, когда дело идет о исповедании спасительных догматов веры». Вывод свт. Филарета об антилатинских творениях свт. Фотия — негативный. «Удобнее было бы допустить издание рассматриваемого сочинения, если бы дело шло о издании всех сочинений патриарха Фотия на греческом языке для богословов, которых слабые места не соблазнят, и которые могут воспользоваться хотя не многим нужным. Но как дело идет о издании одного послания на русском, чтобы представить свидетельство православного учения и не ученым послушным чадам православной Церкви и противникам: то не могу иметь и изъявить иного мнения, как то, что издание рассматриваемого сочинения на русском не было бы полезно»¹².

---

¹² Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Том дополнительный. СПб., 1887. С. 112–113, 203–206.

Можно было бы в этих трех моментах — издании 1815 г. и письмах 1842 и 1847 гг. — увидеть некоторую эволюцию отношения московского святителя к святителю цареградскому. Но сравнение «перевода» Энциклики в издании 1815 г. с ее подлинником показывает, что уже в 1815 св. Филарет относился к антилатинской полемике Фотия критически: многие полемические выпады он вовсе не перевел и многое заметно смягчил. Как и в письме 1847 г. он был против речений преувеличенных и оскорбительных и против построений чисто рационалистических.

Но как бы кто ни относился к богословскому содержанию антилатинской полемики свт. Фотия, для всех она остается ценнейшим историческим документом.

Прот. В. Асмус